

КОД ШЕКЛОВ

Настоящий мудрец ищет не наслаждений, а отсутствия страданий.

Аристотель

НОВАЯ ИСТОРИЯ

— Ну что?!

— Что «что»?

— Сам знаешь что!

Они сверлили друг друга взглядами; вихры Фокса непослушно ерошились и упрямо торчали, а в локонах Аны переливалось пятьдесят оттенков ярко-голубого и мрачно-фиолетового: то есть раздражения и недоверия. И лишь один маленький отсвет надежды.

Глядя на это, Одиссей испытывал страшную обиду, ведь он представлял их первую встречу совсем по-другому. Он-то думал, узнав о его трагической гибели, принцесса будет невероятно страдать, а увидев живым — заплачет от счастья и кинется на шею. В глубине души Фокс надеялся, что Ана по достоинству оценит и смену возраста. Ведь она сама призналась: «Я бы хотела вас полюбить!» Но любовь принцессы и побитого жизнью детектива казалась сомнительным предприятием, а вот статный парень — совсем другое дело.

«Статный, но пятисотлетний», — насмешливо возразил внутренний голос. Фокс зачихал его поглубже,

прикрыв мыслью: «А так даже лучше — и умный, и молодой».

— Ты теперь свободна, — сказал он первое, что пришло в голову. — И больше не принцесса.

— Спасибо, я в курсе, — напряжённо зыркнула Ана.

— Можешь пожить на «Мусороге»!

— И что я буду здесь делать? — Девушка испытующе уставилась на него. Ну давай, умник, говорил её взгляд, выкладывай, что у тебя на уме.

— Помогать мне расследовать, — возмутился Одиссей. — Ты уже забыла, что работаешь ассистентом?!

— А ты вовсе не хотел меня брать, — огрызнулась Ана. — И вообще, это был мой тест твоих способностей!

— Который я блестяще прошёл, — хмыкнул Фокс.

«Что за инфантильные реакции? — удивился внутренний голос. — Молодой человек, вы ведёте себя как первостатейный дурак». Причём Ана посмотрела на Фокса абсолютно с тем же выражением лица, что и его воображаемый внутренний голос. И лучший детектив сектора прозорливо осознал, что ещё немного ребячества — и напуганная девушка, только что пережившая полторы смерти, низложенная из принцессы в бродяги без рода и племени, а теперь потерявшая единственного человека, которого могла считать другом, просто уйдёт.

Одиссей резко выдохнул и кардинально сменил тон:

— Мы неправильно начали, — сказал он миролюбиво. — Давай обнулیم всё, что было сказано, и начнём заново. Хорошо?

— Давай, — тут же согласилась она и сложила руки в замок, чтобы Фокс не заметил, как от волнения дрожат пальцы.

— Так вы решили, что будете брать?! — требовательно спросила Бекки-Виктория Гуту'Бламсфильд, герцогиня Требунская, она же продуктовая тележка. Бекки упёрла гибкие щупы в бока и уже пять минут ждала, когда нервные молодые люди соизволят сделать заказ.

— Мне что-нибудь шипучее и холодное. — Фоксу хотелось побыстрее остыть. — В смысле, человеческую газировку.

— А мне сок.

— Как прикажете, ваш-высочество!

Тележка поклонилась и хотела укатить, но честная Ана не могла скромно не отметить:

— Знаете, я теперь не...

— Однажды принцесса — навсегда принцесса, — отрезала Бекки. — Нечего приbedняться! Хозяин наш, конечно, из черни, грязных кровей, да и кораблик не королевского класса. Но тележки как на подбор. Так что извольте расслабиться!

Своей хамской непосредственностью лжегерцогиня умудрялась с одинаковой лёгкостью как накалять обстановку, так и разряжать. В данном случае пошло по второму сценарию: Ана заулыбалась, и пик напряжения оказался преодолен.

Они сидели за импровизированным столом, который тележки сварили из подходящего металлолома и установили посреди таких же импровизированных стеллажей, сплавленных из самых причудливых металлов. Цветные вольфрамовые разводы слились с шикарной зернистой ржавчиной, а куски термостали, инкрустированные титановыми осколками, грациозными комками сплавилась в чугуне. Не полки, а настоящий музей шизондной металлургии.

И заодно продуктовый магазин с импровизированным кафе! Ведь на полках красовались разложенные в идеальном порядке товары всех цветов, размеров и мастей, подходящие для сотен разумных рас. Не так давно их спасли из космаркета, который взорвал неудачливый литтеррист. И теперь могло показаться, что Ана с Одиссеем попали в реконструкцию магазина эпохи звёздных первопроходцев. Либо в декорации старого приключенческого гишнофильма. А может, в кладовую пирата, повер-

нутаго на грабежах реликтовых продуктовых лавок по всей галактике.

Оба человека невольно озирались, глядя на раздолье удивительных и незнакомых товаров, половина из которых была давно просрочена. Догадаться о содержимом и даже предназначении многих из них было нелегко — но наверняка интересно. От детектива не укрылось, что Ана украдкой изучает его самого, пытаясь понять, тот ли это Фокс, к которому она успела так привязаться, или наглая вихрастая подделка.

— Что тебе известно? — спросил он. — О Рассвете.

Бывшая принцесса помедлила, но собралась с духом и ответила искренне, как всегда:

— Афина показала мне всё. Как Одиссей Фокс оказался истинным теллари и подарил мне жизнь. Как переиграл наших братьев и сестёр и спас меня снова... И да, я поражена до глубины души! — вспыхнув, призналась девушка. — Стало очень больно, когда я понял, что его больше нет.

В глазах Аны до сих пор отражалось потрясение, которое она испытала.

— Но Афина сказала, что Одиссей не так прост. Что у такого человека есть двойное и тройное дно. А значит, у него был план. Она объяснила мне, почему так думает, и я согласилась. У нас появилась маленькая надежда. Мы решили, что мы вернёмся на «Мусорог» и проверим.

Девушка замолчала, скрестив руки на груди и мрачно глядя вбок.

— Но когда я очнулась, был ты. А его... не было. — Ана опустила голову, чтобы не показывать слёз. — И что бы ты ни говорил, я не верю, что ты — это он! Может, ты и правда его молодая версия. Но молодая версия человека — не сам человек. Уж я-то знаю.

Она, младшее отражение Афины, и вправду знала.

Фокс перевёл дух: он и забыл, какой откровенной может быть эта девушка.

— Понятно.

— А мне непонятно, совсем непонятно! — Она уставилась на него пронзительно, требуя ответов. — Грязь оживляет тебя? Зачем? Почему именно тебя? И сколько ты вообще жил? Ведь ты уже оживал раньше? Афина ушла и не рассказала, что ей удалось выяснить!

Девушка смотрела на него в полном смятении, а внутри Одиссея боролись два космических по своей мощи зверя: Правда и Страх. Правда требовала рассказать Ане всё как есть. Ты не можешь влюбиться в человека — и начать со лжи. Что бы вы вместе ни пытались построить, с враньём в основании оно обязательно рухнет.

Но Страх не давал взять и раскрыть всю правду целиком — она была уж слишком неоднозначной. Одиссей ненавидел врать, но не мог даже представить, к чему сейчас приведёт абсолютно искренний ответ. Ведь он знал Ану так недолго, каких-то три дня! Удивительно, как много успело произойти за это время. Как много потрясений испытали они оба.

— Ваш сок! — брякнула Бекки как никогда вовремя.

— Минутку, — моргнул Одиссей, — почему на пачке изображены реки крови и разбитые черепа?

— Это жерский томатный сок с содержанием мякоти врагов, — как дураку, объяснила тележка. — Вот, выпейте за победу. За вашу победу!

— Нет, убери. У нас есть... вишнёвый?

Ана вскинула голову и посмотрела на Фокса расширенными глазами. Это была мелочь, но неожиданная, удивительная мелочь. Как ты догадался, спрашивал её взгляд, как ты узнал?

— Перед тем, как ты меня поцеловала, у тебя волосы стали цвета спелой вишни, — честно ответил Одиссей.

Он осознал, что улыбается, вспоминая этот поразительный поцелуй, несмотря на то, что случилось после него. И Ана сначала напряглась всем телом, заново пе-

реживая свою гибель, но потом выдохнула, один раз, другой... и тоже невольно улыбнулась в ответ.

— Ох. — Фокс скривился, массируя шею, которая воспользовалась напряжённостью ситуации, чтобы как следует разболеться.

— Ну разумеется, — фыркнула Ана, скрестив руки на груди. — Побеждаем олимпийцев, а шею вылечить не можем. Что за глупость с этой шеей?

Эту тайну раскрыть было можно, хотя бы частично.

— Когда-то давно я предал и погубил единственного друга, — вздохнул Одиссей. — У него была хронически больная шея, он жил на отсталой планете, в нищете и страдании, а умер ещё хуже. И когда его не стало, во мне пропечатался нейроимпринт.

Даже спустя несколько жизней вспоминать об этом было тяжело.

— С шеей вышло случайно, стечение обстоятельств... и чувства вины. Но с точки зрения нарративного мифотворчества совершенно закономерно. Кара за предательство. Я виновен и помню об этом и всегда буду помнить, а потому не пытаюсь от него избавиться. Решил, что жизнь избавит сама, когда придёт время. Но этот грё... проклятый импринт пропечатался мне в самую душу. Так глубоко, что даже грязь считает его моей частью и возрождает вместе с ним.

— А срок давности ещё не вышел? — осторожно спросила Ана. — Может, уже время отложить кодекс чести и прибегнуть к помощи современных медицинских технологий?

Вот тут она вышла напрямиком на опасную линию — слишком близко к глазу сайн.

— Ыыы, — замычал Фокс, и вовсе не для того, чтобы отвлекать девушку от вопроса. А потому что шея пульсировала болью, словно чувствуя, что про неё говорят.

— Ладно, сейчас помогу!

Ана хотя бы на время отвлеклась от своих переживаний, выудила из субпространственной сумочки то самое ОНО и надела Фоксу на шею.

— Оооох, — содержательно промычал детектив, чувствуя, как горячая пульсация Оптимального Нормализатора Ощущений уменьшает боль.

— Ты бездомный, — вдруг сказала девушка, глядя на него, как на брошенного крабیتёнка посреди пересадочной станции. — Ты так отвык от дома, что даже не пытаешься его создать.

— Э? — моргнул Фокс, которому требовалось уточнение.

— Ну оглянись вокруг. Ты путешествуешь в огромной мусорной барже, не приспособленной для людей, спишь в тесной рубке — и единственное, что ты сделал, это повесил силовой гамак и постелил ковёр. Разве это жизнь?

Она помедлила, а потом решила:

— Мне нужна нормальная комната с человеческими вещами, ясно? И тебе нужна нормальная комната. А ещё тебе нужен лучший друг больного человека: рефлексивный микромодульный диван. Поэтому мы сейчас же отправимся на ближайшую планету ИКЕА и купим там всё необходимое, чтобы превратить это железное корыто в дом. Понял? И не вздумай спорить.

Одиссей и не думал спорить, внутри него улыбалось солнце. Она согласилась остаться, и не потому, что ей некуда идти. Решительный человек всегда отыщет путь, а Ана была решительным человеком. Она осталась потому, что хотела быть рядом с ним.

* * *

Планета ИКЕА-42 выглядела скучным и предсказуемым образом, как и все остальные планеты этой сети. Когда-то они были совершенно разные, но затем их униформировали под корпоративный стандарт. В результате под

панорамным окном «Мусорога» висел аккуратный шар, почти весь серый, поделённый ровными синими каньонами на сектора для разных рас, с гигантской жёлтой разметкой планетарной навигации.

Единственное, что радовало глаз прилетающих, так это разноцветные сообщения, бегущие по экваториальной полосе — о манящих акциях и лакомых распродажах.

«Зазибсы в подарок при покупке двойного Шмультфберга!» — проезжало по экватору в данный момент.

— Для допуска на ИКЕА предоставьте свои финансовые данные, — приветливо сообщил говорящий карандашник, официальный символ корпорации.

Фокс сверкнул кристаллом.

— Финансовые обязательства обеспечены корпорацией «Кристалльная чистота», ваш статус покупателя: А плюс, — карандашник одобрительно показал палец вверх. — Добро пожаловать!

И это было поистине великолепное зрелище: как старая мусорная баржа швартовалась в ангаре класса А+. Мрачным гигантским призраком она проплыла мимо дорогих звёздных яхт, ярких гоночных трейсеров, надменных техносфер и прочей малотоннажной элитной мелочёвки. Будто громадный кит, заплывший в изумлённый VIP-курытник.

— О, товарная планета, — раздался негромкий голос. — Отлично, мне как раз нужно закупить ряд вещей.

Фазиль стоял у входного шлюза позади Аны с Одиссеем, и за ним выстроилась очередь из шести новеньких тележек. Команда в полном сборе.

— «Ряд вещей»? — невинно поинтересовался Одиссей, косясь на шесть пустых и очень вместительных корзин.

— Именно так, — нейтральным тоном ответил бухгалтер, который ещё не знал, как относиться к новому молодому хозяину «Мусорога». Фазиль раскрыл визию,

и Ана с Фоксом удивлённо посмотрели на список покупок примерно в полтора метра длиной.

— Мы собираемся открыть какой-то бизнес?

— И это тоже, — уклончиво ответил луур. — И это тоже.

* * *

— «Шфляхтверк»? Что это? — изумился Одиссей.

— Унигаз-трансформер, — испуганно шикнула Ана. — Пойдём отсюда, я с детства их боюсь.

— Не бойся, он сломанный. Видишь, там метка?

Над страшной сантехникой светилась аккуратная визиограмма: «Товар на замену: 12/10 4510», это значило, что его уберут через день.

Они вернулись на платформу, и та скользнула по силовым путям в следующий зал. Вокруг проносились сотни подобных платформ с разными покупателями. Они сновали по огромному товарному лабиринту, и от одного вида проходов и этажей, тянувшихся на десятки километров во все стороны (в том числе вниз и вверх), сразу охватывала грусть.

— Я понимаю продуктовые и сувенирные магазины, они как аттракционы и музеи. Но зачем ходить по техническим? Только тоску на себя нагонять, — вздохнул Фокс. — Можно же всё заказать с доставкой.

— В магазинах заметно дешевле, приходи и забери, — пожалла плечами бывшая принцесса. — Компании дают наилучшие условия при личном визите, такова экономика. И вообще, я раньше почти никогда не ходила за покупками и думаю, что это очень интересно!

Она впервые по-настоящему улыбнулась.

— Так что выше нос, Фокс-младший.

«Я тебе покажу, кто здесь младший», — мысленно возмутился Одиссей.

Но следующий сектор его и правда приободрил. Шейный мученик с удивлением и надеждой взирал на раскинувшиеся вокруг цветастые ландшафты, состоящие из мягкой мебели, полные манящих посадочных мест. Это были холмистые луга и долины, украшенные диванами, креслами, оттоманами и флюксами всех цветов, размеров и форм.

— «Нибодак»!

— Нет, «Лавфлюис»!

Они стояли меж двух шикарных диванов и спорили, какой взять. Почти как семейная пара.

— Он слишком вычурный, на таких спят манерные дивы. Я буду не в своей тарелке.

— Зато на своём диване, — фыркнула Ана. — И дива из тебя вышла очень даже хорошая. Шарман.

Будущий дивановладелец с сомнением посмотрел на «Лавфлюис» и недоверчиво скривился.

— Да, он немного весь розовый, — кивнула Ана. — Зато у «Нибодака» нет рефлексивной функции. Как вообще можно спать без рефлексивной функции?

— Как спали наши предки на протяжении тысяч лет, — назидательно ответил парень без апгрейдов. На что изнеженная королевским воспитанием девица посмотрела на него, как на дикого аборигена, которого нужно срочно перевоспитать.

— Ещё у «Лавфлюиса» технология второй кожи, — заметила она. — Вот, читай сам.

— «На время сна поверхность дивана становится продолжением вашей кожи и обеспечивает глубокое очищение, а также питательную минерализацию через дермальные поры», — прочитал детектив и помотал головой. — Брр, звучит ужасно, я уже не хочу быть дивой.

— Ну, немножко так себе, — согласилась Ана. — И очищающая функция не означает, что с таким диваном не надо мыться. Но будешь просыпаться бодрым и свежим, удобно.

— Ты-то откуда знаешь? Тебе эти примочки никогда не были нужны, — поднял брови Одиссей. — Твои королевские контуры наверняка обеспечивали идеальный обмен веществ, постоянное очищение и ещё пятьдесят функций. Небось, ты и мылась-то в последний раз... примерно никогда.

— Королевские функции у меня забрали, — сухо ответила девушка. — Оставили только элитную гражданскую прошивку. Так что нам понадобится нормальная мультиванная капсула. — Она слегка покраснела. — Вместо твоей примитивной туалетной.

Фокс вздохнул, но возражать было нечему. Он вообще-то любил тратить деньги на всякие интересные штуки.

— Дива! — Ана артистично махнула рукой и театрально бухнулась на розовый диван.

И глядя на неё, полную ожиданий и надежд, Одиссей против воли рассмеялся.

Заказав дивный «Лавфлюис» (за четыре тысячи, половину стоимости малого трейсера!), он согласился ещё и на хороший стол для обедов и общих сборов, а затем купил к нему пять кресел-трансформеров с цепким ворсом, которые можно было прилепить хоть на потолок.

— Зачем пять? — удивилась Ана. — Ведь нас трое: ты, я да Фазиль.

Остальные обитатели «Мусорога» в креслах не нуждались.

— Пока трое, — согласился Одиссей. — Но нарративное мифотворчество подсказывает, что этим дело не кончится.

— Хочешь сказать, мы главные герои и в следующей главе к нам прибьётся агрессивный и туповатый, но вызывающий симпатию вояка? — с иронией спросила Ана. — А за ним яркий и харизматичный представитель какого-нибудь меньшинства?

— Ты явно смотрела сериалы, — одобрительно улыбнулся Фокс.